

Рис. 1. Печать Феодора Акапнина XI в.

принадлежавшая представителю малоизвестного византийского аристократического рода Феодору Акапнину (рис. 1).

1. Частная коллекция (М-243).

D — 25 мм; толщина пластинки — 2 мм; вес 7,82 г.

Происхождение неизвестно (Gorny & Mosch 159, lot 2847).

Аверс. В ободке из слившихся в одну линию точек погрудное изображение Богородицы, держащей руки перед грудью, анфас. Над головой Богородицы жемчужный нимб. По сторонам фигуры титлы: слева ΗΡ ; справа ΘΥ .

Реверс. В ободке из слившихся в одну линию точек четырехстрочная надпись, украшенная сверху и снизу косым крестиком между двух лепестков:

—✱—

$\Delta\epsilon\sigma\tau\nu$ → Δέστυ

$\text{N}\Phi\text{P}\Theta\text{P}$ → $\nu(\alpha)$ φρου(ει)

$\Theta\epsilon\omicron\delta\omega$ → Θεοδώ

$\text{P}\text{AK}\text{PN}$ → $\rho(\omega)$ 'Ак(ά)πν(ην)

—✱—

Δέστυν(α) φρούρ(ει) Θεοδώρ(ω) 'Ак(ά)πν(ην) — Госпожа (повелительница) охраняет Феодора (из рода) Акапнинов.

Стилистические особенности буллы позволяют отнести ее к памятникам XI в.

По письменным источникам род Акапнинов никак не прослеживается, но в то же время в памятниках сфрагистики все-таки известно несколько представителей этого семейства.

Самый известный из них Николай Акапнин, которого печати называют асекритом (середина XI в.) [4, р. 46, нг. 107], цензором и судьей Тарса и Селевкии (середина XI в.) [5, р. 11, нг. 1], мистолектом и судьей Эллады (третья четверть XI в.) [4, р. 75–76, нг. 159; 6, S. 30, нг. 11; 7, р. 547, нг. 13].

Кроме того печати представляют нам Пофоса Акапнина в ранге протоспафария $\epsilon\rho\iota$ του Chrysotriklinou (конец X — начало XI в.) [6, р. 31, note 44]¹ и протоспафария и судьи (первая половина XI в.) [8, S. 67, нг. 40]; Иоанна Акапнина асекрита (первая половина XI в.) [5, S. 30, note 38]²; Эфима Акапнина спафарокандидата (первая половина XI в.) [6, S. 30, note 40; 9, с. 105, № 15]; Стефана Акапнина про-

¹ Известны еще две печати другой пары матриц из собрания Dumbarton Oaks (D. O. 58.106.2554; 55.1.2888) [8, S. 67, note 259].

² Не издана D. O. 58.106.3161.

тоспафария, мистолекта и императорского нотариия (середина XI в.) [4, p. 93, nr. 202], Феофана Акапнина протонотария и судьи Кипра (середина XI в.) [10, p. 103, nr. 38.7] и вероятно еще Михаила Акапнина(?), патрикия (XI в.) [11, p. 63–64, nr. 104].

Известным оказался и Феодор Акапнин в ранге протоспафария $\epsilon\rho\iota\ \tau\omicron\nu\ \omicron\iota\kappa\epsilon\alpha\kappa\omicron\nu$ на неизданной печати из собрания *Dumbarton Oaks* (D.O. 58.106.2889), которую А.-К. Василиу и В. Зайбт полагают датировать второй половиной X — началом XI в. [6, s. 31, note 43; 8, S. 67, note 260]. На наш взгляд, сочетание изображения Богородицы и святых с круговой легендой не выходит за пределы конца X в. Напомним, что на многочисленных печатях херсонских стратигов подобные изображения меняются изображениями святых с надписью их имен в столбик без круговой надписи уже в конце X столетия [12, p. 149–169, nos. 63–84]. Этот тезис подтверждают и датированные византийские печати [13, p. 74–76, nos. 71–72] В то же время для булл начала XI в. уже характерно использование археографического типа или использование божественных образов без круговой легенды [13, p. 77–104, nos. 74–107].

Учитывая то обстоятельство, что на нашем экземпляре нет никаких рангов, а сфрагистический тип представляет следующий этап развития образа Богородицы (без круговой легенды), который характерен для памятников сфрагистики XI–XII ст., рассматриваемый нами моливдовул, вне всякого сомнения, следует отнести к разряду так называемых частных печатей.

Не вызывает сомнения, что владелец печати, получивший звание императорского протоспафария $\epsilon\rho\iota\ \tau\omicron\nu\ \omicron\iota\kappa\epsilon\alpha\kappa\omicron\nu$ и, очевидно, имевший какое-то отношение к управлению императорским имуществом, вряд ли опустил бы этот ранг на какой-либо из своих печатей. Заметим, что Н. Икономидис и Ф. Винкельман не только относят титул $\gamma\rho\iota\ \tau\omicron\nu\ \omicron\iota\kappa\epsilon\iota\alpha\kappa\omicron\nu$ к ведомству, ведавшему императорскими владениями, но и считают его одним из высших придворных чинов X в. [14, p. 299; 15, p. 136, note 65; 16, S. 43, Anm. 1]. Его отсутствие на нашей печати, очевидно, свидетельствует о ее принадлежности другому одноименному персонажу. Возможность датировки рассматриваемой печати серединой или даже второй половиной XI в. отодвигает нашего владельца от протоспафария Феодора по крайней мере на 60–80 лет. В таком случае в силу сложившейся византийской традиции по передаче имен в семье через поколение наш персонаж мог являться внуком последнего.

К сожалению, о происхождении рода Акапнинов никакой информации в письменных источниках обнаружить не удалось. Однако в византийской истории все-таки имеются свидетельства, так или иначе связанные с этим родом, и которые, в известной мере, могут повлиять на решение вопроса о происхождении этого семейства. Во-первых, на Кипре известна деревушка, всегда носившая имя Акапнинов [17, nr. 201]. В этой связи видимо можно предположить, что этот род или имеет княжеское происхождение с этого острова или, по крайней мере, был тесно связан с островом. Напомним, что один из его представителей — Феофан в середине XI в. исполнял обязанности высокопоставленного фемного чиновника протонотария и судьи Кипра [10, p. 103, nr. 38.7]. Кроме того, сам остров известен и как императорский домен, созданный на брошенных арабами землях [10, p. 101; 18, p. 298–330, 506–567], и к которому, надо полагать, относятся местные «василик?» и «кураторы» [10, p. 102, 104–105, nos. 38; 3, s. 10–11]. В этой связи, как нам представляется, к Кипру мог иметь отношение и Феодор, упомянутый в печати D. O. 58.106.2889, который имел непосредственное отношение к управлению императорского домена.

Во-вторых, следует отметить, что в рассматриваемый нами период в Фессалониках существовал монастырь Акапнинов, который был основан в первой трети XI в. св. Фотием Фессалийским [19, p. 347–349]. Полагают, что его ктиторами и владельцами

были Акапнины [20, р. 91–95]. По-видимому, отсюда собственно и его название, сохранившееся в источниках XI–XV вв. [см.: 19, р. 347–349]. К сожалению, постройки монастыря не сохранились, и сегодня невозможно сказать, в какой части города монастырь находился. Следует учитывать, что монастырь был достаточно влиятельным и значительным. Это дало ему возможность сохранить привилегированное положение в период латинского завоевания (1205–1224) и дожить до захвата Салоник турками. Он был включен в перечень религиозных домов, захваченных в 1430–1433 гг. османами. Эти обстоятельства позволяют полагать, что он мог находиться в верхней, аристократической части города.

Таким образом благодаря памятникам сфрагистики профиль византийского аристократического семейства Акапнинов, практически неизвестного в византийских анналах истории, вырисовывается достаточно определенно. В первую очередь заметим, что представители рода — это гражданские служащие высокого ранга, которые не проживали в столице и были связаны провинциальными центрами балкано-малоазийского региона. Отдельные из них имели отношение к фемным институтам Элады, Кипра, Тарса и Селевкии, а также к управлению императорским имуществом. Надо полагать, что возвышение рода Акапнинов произошло в конце X — первой половине XI ст. Отсутствие каких бы то ни было данных о представителях этой фамилии, начиная с периода правления Алексея I Комнина (1081–1118) свидетельствует о том, что в бурных событиях конца XI — начала XII ст. роль и значение этого семейства ослабело и его представители ушли с исторической арены.

Ключевые слова: история Византии, сфрагистика, моливдовулы, просопография, византийская провинциальная аристократия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеевко Н. А.* Памятники археологии в ряду источников по популяризации и развитию современного туризма: несколько новых болгарских моливдовулов // Оттука започва България. Материали от Втората национална конференция по история, археология и културен туризъм «Пътуване към България» (Шумен 14–16.05.2010). — Шумен, 2011.
2. *Лихачев Н. П.* Моливдовулы Греческого Востока // Научное наследство. — М., 1991. — Т. 19.
3. *Алексеевко Н. А.* Несколько византийских печатей из болгарских находок // Нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. — София, 2009. — № 5.
4. *Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin II: L'administration. — P., 1981.
5. *Cheyne J.-Cl., Theodoridis, D.* Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. — P., 2010.
6. *Šandrovskaja, V., Seibt W.* Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Ermitage mit Familiennamen. 1 Teil. — Wien, 2005.
7. *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. — P., 1884.
8. *Wassiliu, A.-K., Seibt, W.* Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. II. — Wien, 2004.
9. *Шандровская В. С.* Поправки и дополнения к «Каталогу моливдовулов» Б. А. Панченко // ВВ. — М., 1977. — № 38.
10. *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. — Washington, 1994. — Vol. 2.

Despite of the silence of the written sources, monuments of sigillography draw the portrait of this Byzantine aristocratic family, almost not known in Byzantine historical annals, rather definitely and clearly. Representatives of this family were mostly civil officials of high ranks who did not leave in the capital but were related to provincial centres in the Balkans and Asia Minor. A few of them had connections with thematic institutions in Hellas, Cyprus, Tarsos, and Seleukia, as well as to the management of emperor's property. Evidently, their family raised in the late tenth and first half of the eleventh century. The absence of any data concerning members of this family from ca. the reign of Alexios Komnenos (1081–1118) evidences that the role and importance of this family declined most likely in the turbulent events of the late eleventh and early twelfth century, so its representatives disappeared from the stage of history.

Key words: History of Byzantium, sigillography, molybdoboulloi, prosopography, Byzantine Provincial Aristocracy.

